

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

“ВНИМАЯ УЖАСАМ ВОЙНЫ...”

(Первая мировая война в произведениях русских писателей)

Мне кажется, что нынешняя война — только начало грядущих, от которых не уйду ни я, ни мой маленький брат, ни грудной сын моей сестры. И моя очередь придёт очень скоро.

В. М. Гаршин

Похоже, что эту войну прятали от нас. И ведь не только “советские” идеологи почти целый век держали её под грифом как бы “не бывшей”, но и Запад со свойственной ему расчётливостью находил свои резоны, чтобы не препятствовать “реке времён” уносить “в своём стремлении” и топить “в пропасти забвенья” неоднозначные исторические события. Выходит, были на то свои причины. Не потому ли, что Первая мировая война — это своего рода предупреждающий знак, неостребованный “магический кристалл”, сквозь который вполне различима (и во многом объяснима!) “даль” надвигавшегося катастрофического столетия? Как скажет Анна Ахматова в “Поэме без героя”, именно с 1914 годом, годом начала войны, начинался “не календарный — Настоящий Двадцатый Век”.

Без осмысления случившегося трудно понять все последующие драмы и трагедии, хотя ход истории не всегда обусловливается причинно-следственными связями. Не случайно уже в первый день войны Валерий Брюсов, всегда отличавшийся страстью к культурным ассоциациям в духе античных сцен объясняет происшедшее подчёркнуто звонкой аллитерацией, упирая на слово “рок”, что в христианской традиции означает Промысел Божий (либо “бич Божий”):

*Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времён...*

Правда, назвав своё стихотворение с публицистической поспешностью “Последняя война”, поэт, к сожалению, оказался неважным пророком.

Более рациональный взгляд на случившееся находим у Евгения Замятина: “В 1812 году Москва сгорела от копеечной свечки, но, конечно, не копеечная свечка виновата в пожаре Москвы. И конечно, не Германия и не германский народ виноваты в мировом пожаре: Германия была только копеечной свечкой. Стихийную мировую войну могла вызвать только стихия, и это была стихия экономическая”.

С суждением о как бы случайной, “копеечной” в условиях “стихии” роли Германии можно было бы поспорить. Как написал тогда же в статье “О войне” русский офицер и писатель Александр Куприн: “Особенно прямо-таки непонятна злоба и неприязнь против русских. Что сделала Россия и русские плохого Германии? За что такая ненависть к нам царит на берегах Рейна? Разве за то, что Россия кормила их своим хлебом, за то, что сотни тысяч немцев имели самый радужный приют”. И далее Куприн напоминает об отнюдь не “стихийной” предыстории: “Немецкий учёный Моммзен в своих статьях вполне определённо указал, что Россия — страна рабов, страна с ясно выраженным женским началом. А Германия — страна властелинов с мужским элементом, и что она по праву должна властвовать над Россией и оплодотворять её своими духовными ценностями. Эта германская злоба, неприязнь, чрезмерные самолюбие и самовлюблённость есть плоды строго обдуманной германской программы”.

Добавим к этому и ещё одно наблюдение из русской литературы, опровергающее “стихийное” участие Германии в мировой трагедии. Вот что писал в своём провидческом “Апокалипсисе нашего времени” Василий Розанов: “Уже тогда было что-то такое в Берлине, что-то носилось в самом воздухе... Да и песенка: “Deutschland, Deutschland — über alles” — “Германия, Германия превыше всего”, — может быть, была не столько реально-глупою, сколько выверенно-пророчественною, сколько жадным аппетитом. Германский волк зол и толст. И нашей бедной России, стоящей перед ним таким пушистым ягнёнком, он не пощадит”.

Ещё поразительнее описание глазами профессионального военного далеко не “стихийных” признаков будущей катастрофы. В своих замечательных мемуарах генерал А. А. Брусилов рассказывает случай из жизни в Германском городе Киссингене, где он отдыхал летом 1914 года за несколько месяцев до войны. “Перед самым отъездом, — вспоминает Брусилов, — мы как-то собрались присутствовать на большом празднике в парке, о котором извещали публику громадные афиши... Праздник этот живо характеризует настроение немецкого общества того времени, а главное — поразительное умение правительства даже в мелочах ставить во главе всякого дела таких организаторов, которые учитывали необходимость подготавливать общественное мнение к дальнейшим событиям, которые вскоре нам пришлось пережить.

Ничего подобного в России не было, и наш народ жил в полном невежестве того, какая грозная туча на него надвигается и кто его ближайший лютей враг...

Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окружённая цветниками, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане возвышался Василий Блаженный. Нас это очень удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших “Боже, царя храни” и “Коль славен”, мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, посыпалась со всех сторон на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренились и валились наземь. Всё горело под торжественные звуки увертюры Чайковского “1812-й год”. Мы были поражены и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству её не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремела немецкий национальный гимн. “Так вот в чём дело! Вот чего им хочется!” — воскликнула моя жена. Впечатление было сильное”.

Кстати, рассуждение о женском и мужском начале двух стран (на уровне животной физиологии!) вполне серьёзно обсуждалось и некоторыми русскими интеллектуалами (Д. Мережковским, например). На самом деле для русских эта война (как и любая другая) явилась духовным испытанием, религиозным, метафизическим столкновением двух сил, борьбой света и тьмы, добра и зла, чему свидетельством служит и литература участников тех исторических событий. И даже технические средства ведения войны только обостряют это религиозное чувство. Враг становится изощрённей, коварней, опасней, у него защита — железо, химия, траки танков, подводные лодки, а у нас — самый упо-

минаемый в стихах и прозе Георгий Победоносец, и в каждом произведении – философское, глубокое осмысление войны.

Но прав, разумеется, и Евгений Замятин в своём блестящем предисловии (1919) к фантастическому роману Г. Уэллса “Война в воздухе” заметивший, что “пятнадцать лет назад этот роман был фантастическим; теперь он стал бытовым”; он удивлялся, “почему не все видели то, что видно было немногим?": “Перед началом мировой войны и революции мир был котлом без манометра. Кочегары всё подкладывали и подкладывали уголь, топки горели всё жарче, давление пара всё подымалось, и конец мог быть только один: мировой котёл разнесло вдребезги. Целыми десятками лет мир вооружался. Целыми десятками лет миллиарды тратились на постройку броненосцев, цеппелинов, пушек. Накоплялись горы пироксилина, пороха. Всё великолепное здание старого мира было построено на фундаменте не из камня, а из пироксилина. И всё же, как это теперь ни кажется странным, люди спокойно жили, работали, веселились и не заботились, что под ногами – пироксилин. Но вот случайно кем-то обронённая спичка – и загремел беспримерный в истории взрыв...”

Для России Первая мировая – особенно чувствительная, мистическая, поворотная страница истории. Современники называли её и Великой, и Германской, и второй Отечественной войной. Слишком много всего в ней сошлось для России при всех, казалось бы, внешних сопутствующих политических и экономических обстоятельствах. Слишком много всего из неё, как из мерзкого змеиного яйца, вылупилось, проросло в будущем мире с его фашизмом, концентрационными лагерями, неисчислимыми человеческими страданиями.

Но нам она, помимо всего прочего, принесла цивилизационную катастрофу, обрушение многовекового русского уклада, смену тысячелетнего духовного вектора, что по своим последствиям, быть может, даже страшнее Второй мировой войны, раны которой пусть мучительно, трудно, но всё же излечиваются со временем, чего нельзя сказать о невозвратности рухнувшей великой империи.

В той войне, словно в некой насыщенной эссенции, сошлись все прошлые и грядущие русские проблемы, все нераскаянные грехи народа и власти, всё недалёковидное благодушие тогдашней церковной политики, утрата огненной бескомпромиссной веры, бездарность и безответственность чиновников, гнилая и подлая сущность интеллигенции, в безумной Люциферовой гордыне оторвавшейся от судьбы страны и запятнавшей себя предательской заразой поражения, подталкивавшего (и поныне подталкивающего!) к гибели Россию, зеркально повторяя написанный Пушкиным портрет прародителя всех будущих либерал-Смердяковых: “Ты руки потирал от наших неудач...”

Василий Розанов, объясняя причину русского поражения в той войне, напомним одну из любимых своих мыслей: “Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих “разложителей” России ни одного нет нелитературного происхождения”. И со всей беспощадностью растолкует: “Нужно было, чтобы... начало слагаться пренебрежение к офицеру, как к дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях к ничтожеству и отчасти к вору. Для чего надо было сперва посмотреть на Скалозуба в театре и прочесть, как умывался генерал Бетрищев, пишущий “Историю генералов отечественной войны”, – у Гоголя, фыркая в нос Чичикову. Тоже и самому Толстому надо было передать, как генералы храбрятся по виду и стараются не нагнуться при выстреле, но нагибаются, вздрагивают и трясутся в душе и даже наяву...” И дальше Розанов подводит к *стратегическому* заключению: “Берлин вообще очень хорошо изучил русскую литературу. Он ничего не сделал иного, как выжал из неё сок. Он отбросил целебное в ней, чарующее, истинное. “На войне – как на войне...” “Эти ароматы нам не нужны...” От ароматов и благоуханий он отделил ту каплю желчи, которая, несомненно, содержалась в ней. И в нужную минуту поднёс её России... Каплю, наиболее роскошно выработанную золотою русской литературой. “Пей. Ты же её любила. Растила. Холила”. Россия выпила и умерла...” (1918).

Про Германию, “хорошо изучившую русскую литературу”. В этой связи становится понятным, зачем она, почувствовав, что победа может ускользнуть из её рук, словно мину замедленного действия, доставила в запломбированном вагоне в гибнущую, на последнем дыхании сопротивляющуюся Россию Ленина, плоть от плоти той интеллигенции, того, кто, подобно брюсовскому

“року”, недогнувшей рукой теперь уже навсегда опустил “завесу времён” над исчезнувшей с карты мира русской цивилизацией.

Не осмыслив всей совокупности тех событий и явлений, мы как бы во второй раз в эсхатологическом плане проиграли эту войну, проиграли как предупреждение о будущем, как понимание самих себя в собственной истории, понимание того, кто в этой истории друг (никто, “кроме Армии и флота”!), кто враг (и не только внешний, но и внутренний враг!) и – как тогда же вопрошал Брюсов:

*Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?*

Но, по слову Экклезиаста: “Всему своё время... время раздирать и время шивать; время молчать и время говорить; время войне и время миру...” (Книга Экклезиаста. Гл. 3.) И вот ровно через сто лет, к вековому юбилею, когда мир снова подошёл к опасной роковой черте, к предчувствию новой кровавой бойни, когда в заатлантических и западных пробирках выращены цепные бациллы ненависти и фашизма, выпущенные по всей планете и под боком у России, в её, можно сказать, предсердии, – вдруг, словно потерянная Атлантида, со дна океана забвения возникает Первая мировая война. Возникает как напоминание: есть время раздирать и *время шивать*. Последнее, в современном юбилейном контексте, скорее звучит как: *шивать время*, восстанавливать связь времён, возвращать память, имена, историческую справедливость, подвиги и предательства, победы (а они были, один Брусиловский прорыв чего стоит!) и поражения... .

И тут “время молчать и время говорить” о том времени удивляет неожиданным, как и сама Первая мировая война, открытием, явлением всплывающей Атлантиды русской литературы, такой же забытой и незнаменитой!.. Какие возвращаются имена!.. Вдруг мы обнаруживаем, что у писателей есть биографии! И совсем не те, не такие, какие мы знали и помнили. И облик, скажем, Катаева или Паустовского, Зощенко и Пришвина, даже Демьяна Бедного предстаёт в ином, объёмном, малознакомом свете – героическом, трагическом, а для иных, в их дальнейшей судьбе, и трагикомическом... Но как бы там ни было, их творчество, их привычное место в контексте советского периода русской литературы тоже открывается по-новому.

В XX веке мы хорошо знаем поколение писателей – участников Великой Отечественной войны, но было, оказывается, ещё одно фронтовое поколение поэтов и прозаиков – после Первой мировой... Как после войны 1812 года было поколение П. Вяземского, Ф. Глинки, Д. Давыдова... Или поколение Л. Толстого, И. Аксакова, А. К. Толстого... – после Крымской войны.

Назовём лишь несколько имён, кто непосредственно принимал участие в боевых действиях либо был на фронте в санитарных частях, или являлся военным корреспондентом... .

Будучи уже в немолодом возрасте, родившийся в 1870 году Александр Куприн, бывший военный, в начале Первой мировой войны вновь надевает мундир поручика. Когда же здоровье не позволило ему продолжать службу, он на собственные средства в своём гатчинском доме организовал военный госпиталь.

В армии с первых же дней войны (с 5 августа 1914 года) оказался и поэт Николай Гумилёв. 14 августа он был зачислен в 6-й запасной эскадрон, где готовили кавалеристов для гвардейских кавалерийских полков. За отвагу улан Гумилёв награждён двумя Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени. Его корреспонденции с фронта в течение 1915 года появлялись в газете “Биржевые ведомости” под названием “Записки кавалериста”.

Поэт-сатирик и прозаик Дон-Аминадо был мобилизован в начале войны, получил ранение. Будучи солдатом, опубликовал свою первую поэтическую книгу “Песни войны” (1914).

На австрийском фронте служил призванный в армию в 1915 году Николай Асеев.

Рядовым призван в армию поэт Саша Чёрный. Он принимал участие в боевых действиях в районе польских городов Ломжа и Замброво.

Военным корреспондентом от “Русских ведомостей” в 1914 году отправился на фронт Валерий Брюсов.

Добровольцем решил записаться Владимир Маяковский, но по причине политической неблагонадёжности получил отказ, что не помешало ему написать несколько сильных произведений о войне.

В санитарном отряде служил писатель, казак Фёдор Крюков, что нашло отражение в его очерках из быта военного госпиталя и военных санитаров.

Военным корреспондентом был на фронте Михаил Пришвин, запечатлевший военные события не только в газетных материалах, но и в подробнейших деталях своего Дневника за 1914–1917 годы.

С сентября 1914-го был в армии писатель Михаил Зощенко. Во время атаки на немецкие траншеи он получил ранение, награждён орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом, орденом Святой Анны IV степени с надписью “За храбрость”, орденом Святого Станислава II степени с мечами, орденом Святой Анны III степени с мечами и бантом. В январе 1917 года он был пожалован чином капитана и представлен к Ордену Святого Владимира IV степени с мечами и бантом. В 1917 году из-за обострения болезни, ставшей результатом отравления газами, он был отчислен в резерв.

Артиллерийским офицером на австрийском фронте служил Фёдор Степун – русский философ и писатель. Воевал в Галиции. Во время боёв под Ригой (1915) получил ранение. Находясь на лечении в госпиталях, написал и издал под псевдонимом Н. Лугин эпистолярный роман “Из писем прапорщика-артиллериста”.

Прозаик и поэт Валентин Катаев, не окончив гимназию, в 1915 году вступил добровольцем в действующую армию. Начал службу под Сморгонью рядовым на артиллерийской батарее, затем произведён был в прапорщики. Дважды ранен и отравлен газами, награждён двумя Георгиевскими крестами и орденом Святой Анны IV степени с надписью “За храбрость”. С первым офицерским чином он получил не передающееся по наследству личное дворянство.

Писатель граф Алексей Толстой был военным корреспондентом.

В звании поручика участвовал в боях Арсений Несмелов. Он воевал в Галиции и под Сморгонью, был ранен. За мужество и отвагу награждён четырьмя орденами. Первый сборник стихов и прозы “Военные странички” опубликовал в 1915 году.

Поэт Демьян Бедный был мобилизован в 1914 году, участвовал в боях, награждён Георгиевской медалью за храбрость.

Прозаика Константина Паустовского война заставила прервать учёбу. Он работал на санитарном поезде, с полевым санитарным отрядом вместе с русской армией отступал по территории Польши и Белоруссии.

Поэт Сергей Кречетов (Соколов) участвовал в походах в Восточную Пруссию. В марте 1915 года был ранен, попал в плен, находился в лагере для военнопленных офицеров.

Прозаик Софья Федорченко была сестрой милосердия. В 1917 году вышла её небольшая книжка “Народ на войне” с подзаголовком “Фронтовые записи”.

Участниками Первой мировой были поэты и прозаики Сергей Клычков, Лев Славин, Николай Туроверов, Сергей Третьяков, Сергей Сулин, Владимир Пяст...

Необходимо отметить, что в этой войне принимали участие представители разных сословий. Так, уже осенью 1914 года погиб в боях сын Великого князя Константина Романова (поэта К. Р.) князь Олег, что подорвало и без того некрепкое здоровье великого князя.

Поэт и прозаик князь Владимир Палей после окончания Пажеского корпуса служил в Гвардейском гусарском полку и получил боевое крещение вместе с сыном К. Р. С сентября 1915 года он вместе со своим полком был на фронте. В феврале 1916 года девятнадцати лет он был награждён боевым орденом Святой Анны 4-й степени с надписью “За храбрость”. В 1918 году был расстрелян вместе с царской семьёй в Екатеринбурге.

Поэт и прозаик князь Фёдор Касаткин-Ростовский также был на фронте. В 1917 году в Петрограде вышла его книга стихов “С войны (Листки походной тетради)”.

Поэт-монархист, белогвардейский офицер Сергей Бехтеев, несмотря на инвалидность, добровольцем ушёл на войну. В составе Кавалергардского полка участвовал в боях, получил ранения в голову и в грудь. Попал в Царскосельский лазарет, где простыми сёстрами милосердия в тот момент служили императрица Александра Фёдоровна, её старшие дочери Ольга и Татьяна...

Писатели-современники запечатали Первую мировую войну. Это и “Записки кавалериста” Н. Гумилёва, и “Из писем прапорщика-артиллериста” Ф. Степуна, и “Жизнь Клима Самгина” М. Горького, и “Тихий Дон” М. Шолохова, и “Хождение по мукам” А. Толстого, и “Города и годы” К. Федина, и “Перед восходом солнца” М. Зощенко, и “Юношеский роман” В. Катаева, и “Сахарный немец” С. Клычкова, и “Романтики” К. Паустовского, и “Солдаты” И. Шмелёва, и “Русь” П. Романова, и “Лиль” В. Кина, и “Дикая дивизия” Н. Брешко-Брешковского; отражена она и в рассказах А. Куприна, А. Ремизова, Ф. Крюкова, А. Амфитеатрова, А. Аверченко, А. Бухова, Н. Тэффи, Л. Чарской, в пьесе “Интервенция” Л. Славина; в дневниках, воспоминаниях и публицистике К. Р. (К. Романова), А. Брусилова, В. Короленко, М. Пришвина, С. Федорченко, В. Розанова, М. Меншикова, В. Свенцицкого, Д. Мережковского, Д. Аминадо, Л. Андреева, З. Гиппиус, Ив. Бунина...

На трагедию войны откликнулись и современные поэты: В. Брюсов, К. Бальмонт, Н. Гумилёв, А. Блок, Дон-Аминадо, С. Чёрный, С. Бехтеев, И. Северянин, А. Ахматова, В. Катаев, Ф. Сологуб, А. Несмелов, Н. Тuroверов, Г. Иванов, В. Маяковский, В. Хлебников, С. Есенин, М. Цветаева, В. Ходасевич, З. Гиппиус, Л. Столица, Т. Щепкина-Куперник, кн. М. Трубецкая, О. Мандельштам, М. Волошин, Ив. Бунин...

Здесь есть высочайшие образцы русской поэзии, некоторые стали классикой. Однако выпавшие из контекста истории, без понимания общей картины, без понимания всех культурных, политических, психологических, эмоциональных, духовных, объективных и субъективных составляющих той эпохи, большинство этих произведений как бы повисли в воздухе, воспринимаясь оторванно от ситуации, оцениваясь исключительно в эстетической плоскости, что лишало многие из них (если это не была публицистика в чистом виде) значения художественного документа, свидетельства на суде Вечности... Получалось точно по Гумилёву:

*Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять...*

Взять хотя бы только один пример того, как прятали от нас ту войну, как подавали отношение к ней, к её участникам и героям.

Самым здоровым, самым, пожалуй, ответственным и просто благоразумным голосом в своём поколении тех трагических, переломных для истории России лет стал мужественный и по-настоящему патриотический голос Николая Гумилёва. И вот даже сейчас, в предисловии к уже “перестроенному” (1988) солидному изданию поэта продолжают дуть в маховую (по сути, русофобскую) идеологическую дуду: “По своему выпренному духу, по проникнутости идеями монархической верноподданности, по риторике, окрашенной в церковные тона, военная лирика Гумилёва фактически едва ли чем отличалась от казённой шовинистической литературы, как бы не отрешивался от шовинизма сам поэт” (А. Павловский).

Но именно тогда, в час испытания, Гумилёв произнесёт слова, которых не произнёс, да и не имел права произнести никто из не побывавших “там” — на грани жизни смерти, на тонкой линии между Тьмой и Светом.

Никто из современников не посмел иронизировать (в циничной манере той поры, в ёрнической и предательской манере сегодняшней!) над пафосом Гумилёва, даже когда он с законной гордостью заговорил о своей солдатской судьбе:

*...Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променял весёлую свободу
На священный долгожданный бой.*

*Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, долгожданный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь...*

(“Память”)

Как известно, Первая мировая война стала и войной новых технологий. Появились подводные лодки, первые танки на гусеничном ходу, на них были установлены пулемёты Максима и Льюиса, боевые машины оснащались бронёй, впервые были применены отравляющие вещества. В рассказе А. Куприна “Последние рыцари” с горечью говорилось: “Подлая теперь пошла война, а в будущем станет и ещё подлее. . . Всего через месяц, через два кавалерия начнёт быстро уходить, исчезать, обращаться в пепел и в прекрасное героическое рыцарское воспоминание.

Нет для неё ни размаха, ни места, ни задач. Уже теперь пропал пафос войны, пропала её поэзия и прелесть, и никогда уже не родится поэт, возвеличивающий войну, как возвеличил её Пушкин в своей “Полтаве”. Мы с вами, Тулубеев, – последние рыцари. . .”

Но Гумилёв, служивший в кавалерии, своими гениальными стихами и “Записками кавалериста” опроверг не только пророчество Куприна, но и немецкого коллегу – поэта Шиллера, который тоже в появлении военных новшеств видел утрату поэзии войны, считая, что “с тех пор, как изобрели порох, ангелы не участвуют в сражениях людей”. Но никакими “технологиями” не измеряется вечная истина: “Не в силе Бог, а в правде”, – а посему и у Гумилёва:

*...И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны...*

(“Война”)

Военная лирика Николая Гумилёва, может быть, вообще высшее достижение русской и мировой поэзии в этом жанре. Так о войне мог сказать разве что “певец во стане русских воинов” – Василий Жуковский, чувствовавший религиозную красоту подвига (“религиозное чувство. . . при исполнении воинского долга”, по Жирмунскому). И совершенно справедливо утверждение Б. Эйхенбаума о том, что военные стихи Николая Гумилёва “приняли вид псалмов об “огнезарном бое”, и вообще, “не замечательно ли самое стремление поэта показать войну как мистерию духа?..” И эту “мистирию духа”, это столкновение тёмной, всегда чужой и чуждой силы с вечной Россией – Святой Русью – как некое пророческое предупреждение о будущих битвах необыкновенно чутко уловил Гумилёв. Не оттого ли о его самых мужественных стихах Сергей Маковский скажет: “прикровенный смысл их кажется безнадежно печальным”. Особенно, пожалуй, этот печальный “прикровенный смысл” слышится в величественных, как хорал и Откровение от Иоанна, “Пятистопных ямбах”:

*То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.*

*И в рёве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: буди, буди.*

*Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
“Скорей вперёд! Могила — так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зелёная листва,
Союзником — архангельская сила”.*

*Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошёл, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.*

*И счастьем душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна
И ясностью, и мудростью; о Боге
Со звёздами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовёт свои дороги.*

*Честнейшую честнейших херувим,
Славнейшую славнейших серафим,
Земных надежд небесное свершенье
Она величит каждое мгновенье
И чувствует к простым словам своим
Вниманье, милость и благоволенье...*

Хотя всё начиналось (приготовлялось к большой беде) совсем в ином общественном настроении, о чём с неожиданным для собственной поэтики пафосом выскажется Игорь Северянин в “Поэзе упадка”:

*К началу войны европейской
Изысканно тонкий разврат
От спальни царей до лакейской
Достиг небывалых громад.*

*Как будто Содом и Гоморра
Воскресли, приняв новый вид:
Повальное пьянство. Лень. Ссора.
Зарезан. Повешен. Убит...*

*Как следствие чуши и вздора —
Неистово вверглись в войну.
Воскресли Содом и Гоморра,
Покаренные в старину.*

При этом в духе им же описанной картины всеобщего разложения не забывая и своего нарциссианского мессианства:

*Друзья! Но если в день убийственный
Падёт последний исполин,
Тогда ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!*

Но вопреки всем роптаниям и жалобам, в эти же дни прозвучала другая правда, другой голос, голос той, о которой Гумилёв напишет на войне:

*И ведаю, что обо мне, далёком,
Звонит Ахматовой сиренный стих.*

Но “стих” её будет отнюдь не “сиренным”, но строгим и мужественным:

*Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днём, —
Начали песни слагать*

*О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.*

12 апреля 1915, Троицкий мост

Это величавое достоинство и любовь к России Ахматова пронесёт через всю свою жизнь, через все испытания, которых наступивший век предоставит ей с лихвой. Что тем более существенно в контексте той атмосферы, когда не только тыловые интеллектуалы рассуждали о возможности поражения России в войне, но и те, кто сами были на полях сражений.

Так, И. Ильин вспоминает о беседе с вышедшим из госпиталя прапорщиком-артиллеристом философом Ф. Степуном, который “развивал военный пессимизм”. Степун признавался, что “с одинаковым отвращением относится как к идее победившей Германии, так и к идее победившей России”. На возражение Ильина, что “непобедившая Россия будет разгромленной, униженной и рабской”, Степун “со свойственной ему кощунственной насмешкой” ответил: “Что же вы хотите, когда русский народ номенально предназначен к рабству?” И подобные настроения (особенно по мере затягивания войны и поражений русской армии) были далеко не единичными в обществе. Об этом предупреждал старый писатель В. Короленко в своих очерках “Война, отечество и человечество”: “Есть европейски известный писатель – Ромен Роллан. По национальности француз. Он убеждённый интернационалист, но не в том смысле, как понимают это слово у нас, например, Ленин и Троцкий или даже Мартов или Чернов... И для него защита родины не являлась преступлением, как для тех из наших соотечественников (к сожалению, не одних большевиков), для которых слово “оборонец” представлялось позорной кличкой”. И как следствие всех этих “интернационалистских” подстрекательств (в духе нынешних “Болотных” и “майданов”) – жуткий результат, о котором пишет Короленко: “Мы, например, живём в Украине, которая ещё недавно жила общей жизнью с Россией, страдала с русским народом от одного гнёта, питала с ним общие освободительные надежды... Теперь между Украиной и Россией – война...”

О том же свидетельствует публицист М. Меншиков: “Чуть плохие вести – маленькая поэтесса Х. с глазами, похожими на маринованные сливы, говорит томно: “А не я ли говорила, что войны не надо? Ах, меня не слушали...” И он же продолжает: “Что же было бы “для всех народов России”, если бы восторжествовала кайзеровская монархия? Кроме абонентов газеты “Речь”, которым всё равно – кочевать ли в России, или в Америке, или среди любого чужого народа, – “для всех народов России” Германия явилась бы одинаковым завоевателем”. (Вместо газеты “Речь” сюда можно подставлять известные названия сегодняшних радиостанций и газет, где с дебильной немудрёностью Смердякова так любят рассуждать, “надо ли было давать фашистам Ленинград”, и “как славно бы мы жили, кабы нас-таки завоевали в Великую Отечественную войну”!).

Но для выводов из Первой мировой на будущее следовало бы помнить предупреждение М. Меншикова о том, что “был заявлен в немецкой печати проект одного почтенного немца: обесплодить славянскую расу, то есть оскотить мужчин, но, кажется, проекту этому не было дано дальнейшего движения. Был заявлен проект о поголовном выселении русских народов “куда-нибудь” – за Урал, что ли, или, ещё лучше, в немецкие колонии Африки, дабы освободить территорию нашу для широкой немецкой колонизации... Всего вероятнее, покорённое немцами население даже не будет изгнано, а (по третьему проекту) будет только обращено в крепостное рабство... Славяне – недурная подстилка для высшей расы, это *Dungervolk*, живое удобрение, вроде домашнего скота”.

В народном сознании это пораженчество трансформировалось, как обычно, самым фантастическим образом. Читаем у Бунина в “Окаянных днях”: “Все уверены, что занятие России немцами уже началось. Говорит об этом и народ: “Ну, вот, немец придёт, наведёт порядок...”

Извозчик возле “Праги” с радостью и смехом:

– Что ж, пусть приходит. Он, немец-то, и прежде всё равно нами владал. Он уж там, говорят, тридцать главных евреев арестовал. А нам что? Мы народ тёмный. Скажи одному “трогай”, а за ним и все”.

Но словно солидаризируясь со словами В. Розанова: “Не будем даже вспоминать слова Бисмарка, что “побеждённого победитель оставляет только глаза, чтобы было чем плакать”, — Анна Ахматова находит в самых критических обстоятельствах главную формулу человеческого достоинства:

*Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,*

*Когда приневская столица,
Забыв величие своё,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берёт её, —*

*Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: “Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид”.*

*Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.*

(Осень 1917, Петербург)

Главным в русской поэзии этого периода становится иной мотив. Рыдающая нота в долгом многостопном некрасовском стихе прозвучит у таких разных и непохожих поэтов.

У Блока:

*Петроградское небо мутилось дождём,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон...*

У Саши Чёрного:

*Небо кротко и ясно, как мать.
Стыдно бледные губы кусать!
Надо выковать новое крепкое сердце из стали
И забыть те глаза, что последний вагон провозжали.
Тёплый ворот шинели шушит у щеки и волос, —
Отчего так нежна колыбельная песня колёс?*

У Цветаевой:

*И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд...
Старая баба посыпанный крупною солью
Чёрный ломоть у калитки жуёт и жуёт.*

*Чем прогневили Тебя эти серые хаты,
Господи! И для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошёл и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь...*

*Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, Господи Боже Ты мой!*

И среди этого рыдания, плача, стона — так естественно и справедливо меняется интонация, меняется словарь, и возникает главный (увы, и поныне неразрешимый!) неизбежный вопрос о Востоке и Западе, о России и Европе, вопрос, от решения которого зависело и будет зависеть будущая история. И словно внемя пушкинским словам: “История принадлежит поэту”, — жёстко и мужественно поставил вопрос русский европеец Александр Блок:

*Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы мы! Да, азиаты мы
С раскосыми и жадными очами!*

*Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!..*

*Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!..*

*Мы любим всё: и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё: и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

*В последний раз опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!*

Грустно думать, что не будь войны — не было бы этих и многих других гениальных стихотворений. Как видно, война даётся нам в очередной раз для осмысления вечных тем. В русской литературе битва с врагом всегда воспринимается как религиозное чувство. Валентин Свенцицкий, бывший священником на войне, в статье “Война и Церковь” прямо говорит: “Мы исповедуем, что Господь создал Церковь — и врата адовы не одолеют её. Мы знаем, что Крест — непобедимое оружие правды. Мы знаем, что насильники, поднимающие меч против неё, — погибнут.

Но если история мира приведёт нас к неизбежному столкновению с насильниками народа, мы подыдем против них свой меч и впереди его понесём Животворящий Крест Господень!”

Георгий Иванов, которого в особой религиозности не замечали, также открывает в войне те духовные смыслы, которые, быть может, и стали не последней причиной удаления из исторического поля зрения Первой мировой, что, в свою очередь, обернулось (аукнулось, отомстило!) новыми бедами и трагедиями:

*Ядовитые газы, сверканье меди,
Подгибаются ноги, и сохнут уста...
Но отважно герои стремятся к победе,
К лучезарной победе любви и Христа!*

В военных дневниках М. Пришвина за 1915 год есть замечательная за-

пись, очень многое объясняющая в характере любой войны и особенно нашего с вами современного мира. Писатель, подобно многим авторам той поры, снова вспоминает образ Георгия Победоносца. При этом он обращает внимание на изображение змея: “Голова у врага рода человеческого изображается маленькой, но интересной: пышет пламя, горят глаза, эта маленькая голова посажена на огромное тело вьющееся. Духовная сторона зла изображена маленькой, а материальная – необычайно огромной. Счастлив тот, кому суждено вонзить копьё в огнедышащую пасть, и горе тому несчастному, кто обречён пребывать изо дня в день возле его огромного вонючего вьющегося и грязного тела”.

Таким был мир в начале XX века, что привело к большой войне. Ещё больше сегодняшний мир похож на этого разросшегося до немыслимых ранее размеров “врага рода человеческого”, а ставшая ещё меньше его маленькая головка теперь ещё злобней и опасней. Увы, не задумываясь об уроках прошлого, не заботясь о будущем, мы обречены “пребывать изо дня в день возле его огромного вонючего вьющегося и грязного тела”. Сбудется ли ныне молитва Анны Ахматовой, произнесённая из глубины той забытой и проигранной войны?

*Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.*